

Социально-политические процессы
в постсоветском пространстве
и судьбы российской цивилизации
(теоретические аспекты)

Современное человечество во все большей мере втягивается в процессы, ведущие в конечном счете к очередной смене основ его жизнедеятельности и жизнеустройства. Постиндустриальная эпоха еще только-только просвечивается в возникающем научно-технотронном типе производства, в еще зыбких черточках нового общества, получившего уже название информационного. Еще у большинства стран и народов, великих и малых, довлеют прежние стереотипы внутренней организации и мотивы поведения на международной арене, но векторы мирового развития все более определяются "вызовами истории" в обличье глобальных проблем, требуя от человечества адекватных ответов, согласованных и неординарных мер по обеспечению собственного будущего.

Стохастичность, нелинейность исторических процессов современности проявляется в полицентризме мирового развития, в диверсификации его механизмов, в необходимости преодоления наиболее грубых и неэффективных его форм — разрушительных кризисов и конфронтаций. Овладение новым типом развития, в основе которого должны лежать принципы партнерства, компромисса, сотрудничества и консенсуса, — это проблема, которая будет, по всей видимости, решаться на протяжении весьма длительного эволюционного периода, но ориентация на подобный исход должна быть

избрана человечеством уже сегодня, если оно желает обзавестись более или менее оптимальной стратегией обеспечения собственного бессмертия. Исторический плюрализм общественного развития, осознание которого проходит с трудом, буквально продираясь сквозь частоколы догм, предрассудков, идеологических штампов, наталкиваясь на консервативность социальных систем и структур, немощность старого "евроцентристского" обществоведения, пасующего перед грандиозностью и сложностью происходящих перемен, в целом отражает универсальную специфику жизни современного человечества, проходящего через лабиринты "осевого времени" (К.Ясперс).

Третья цивилизационная или, иначе, постиндустриальная революция, формирующая взаимозависимый "мир миров" (М.Гефтер), демонстрирует свои явные универсалистские и потенции, и интенции. И если бы наш мир, будь то его цивилизационное, этносоциальное и культурное измерение или сложившаяся исторически державно-государственническая система, характеризовался хотя бы относительной гомогенностью и "равновесностью" своих составных частей, то реализация их неконфронтационного со-развития и со-жительства, взаимовыгодного со-трудничества, эффективной кооперации хотя бы по вопросам выживания человечества зависела прежде всего и в основном от организационных технологий и принципов взаимоотношений, которыми располагает современный мировой социум. Но суть драматической коллизии нашего меняющегося мира заключается в том, что народы разных цивилизационных общностей и регионов, каждая государственно организованная нация стартуют в свое постиндустриальное будущее с различных социально-экономических и культурно-духовных позиций, зачастую из разного "исторического" времени, обладая несовпадающими возможностями и способностями к освоению основополагающих ценностей постиндустриализма. Именно поэтому глобальный процесс постиндустриальных преобразований, демонстрируя очевидные объединительные, интеграционные устремления, не в меньшей степени проявляется в регионализации мира, в возникновении постиндустриально трансформирующихся пространств. Накладываясь на многообразие современного мира, его экономическую "разноразвитость", социальную "пестроту", несопоставимость и неоднородность национальных культур, различную пассионарность народов, традиционно сложившееся международное разделение труда и различную вовлеченность стран в жизнь современного человечества, постиндустриальная революция "выстраивает" указанные пространства в своеобразный тренд, где каждое из них движется к общей цели по собственной, индивидуальной

траектории¹. С точки зрения исторической, постиндустриально трансформирующиеся пространства могут рассматриваться как последствия зафиксированного наукой движения мировых "центров развития" с Востока на Запад (Гегель) и формирования многочисленных историко-географических регионов, не обязательно однородных в этнокультурном отношении (АТойнби); с точки зрения геополитической они представляют собой пространства, осваиваемые, как правило, несколькими разновеликими государствами; с точки зрения цивилизационной они могут выступать как цивилизационные поля (пространства), контроль над которыми не обязательно отождествляется с одним этносом, даже если это суперэтнос (С.Хантингтон). Проявление в жизни современного человечества постиндустриально трансформирующихся пространств, отражая в той или иной комбинации все или лишь часть указанных предпосылок, в первую очередь все же связано с новым феноменом — многоцентрием мирового развития, т.е. с преодолением "европоцентризма" как идеи универсальной предназначенности индустриальной культуры.

Расшифровка генетического кода мирового развития в духе концепции постмодернизма приводит нас к выводу, что человечество в очередной раз вступило в переходную эпоху, содержание которой заключается в наращивании процессов постиндустриальной революции, по-разному сталкивающей прошлое и будущее, старое и новое, консервативное и прогрессивное в каждом из трансформирующихся пространств и во всем их историческом тренде в целом. Возникающие при этом причудливые соотношения

¹ На первый взгляд процесс регионализации современного мира, если исходить из теории перехода человечества на постиндустриальные основы развития, противоречит общепризнанной закономерности интернационализации экономики, политики, информационных коммуникаций, в известной степени и общественной жизни субъектов мирового социума. Но при более внимательном анализе обнаруживается, что ускорение всестороннего взаимодействия стран и народов на уровне регионов в конечном счете углубляет процесс общемировой интеграции, хотя и на несколько иной, "фрагментарной" основе. В процессе регионализации продолжают действовать три группы факторов, и раньше участвовавшие в формировании отдельных международных регионов. Во-первых, это факторы предпосылочного характера — историко-территориальные, социально-психологические, культурологические и т.п. Во-вторых, это факторы, составляющие основу, сердцевину складывающегося региона — экономические. В-третьих, это факторы политические, носящие при любой конфигурации региональных структур субъективно-волевой характер, но в наиболее развитых региональных системах знаменующие качественно новую модель регионально-интеграционного поведения государств. Выпадение или отсутствие любой из этих групп либо полностью подрывает всю систему мотиваций особых региональных отношений (это касается прежде всего двух последних групп), либо, если речь идет о первой из них, серьезно ослабляет перспективы успеха. В эпоху перехода к постиндустриализму эти и другие группы факторов, в отличие от недалекого прошлого, формируют не иерархическую структуру международных регионов (центральных, периферийных и локальных), а скорее горизонтально взаимозависимую систему трансформирующихся пространств.

сил и движений, государств и международных институтов, транснациональных и субнациональных социальных отношений и связей, в разных ситуациях выступают то носителями нового, то играют старые роли, движимые началами будущего или цепко удерживаемые в объятиях прошлого. В связи с этим определить их баланс и тем более общий вектор развития можно лишь в самых общих чертах, да и то при условии, если мыслить в категориях исторического оптимизма. Если все же попытаться зафиксировать социально-политическую картину современного мира, то прорисовка его в образах различных цивилизаций так же полезна, как и выделение континентов на карте земного шара. Но, желая ощутить мир как живой организм, как развивающуюся суперсистему, мы начинаем оперировать реалиями определенных регионов, пространств, населяющих их конкретных народов, образованных ими государств, их соперничества в реализации жизненных интересов наций и т.д. Мировой опыт интеграционных процессов свидетельствует о том, что при современном уровне развития технологий и производительности труда то или иное единое экономическое пространство более или менее оптимально вписывается в международное разделение труда, если объединяет по крайней мере 300—400 млн людей, т.е. имеет региональный масштаб. Тот же опыт демонстрирует, что каждое из таких пространств структурно состоит из страны-центра или стран-центров и их периферии, связанных технологической зависимостью, развитием определенной производственной культуры, внутрипространственным разделением труда, более или менее явно проявляющейся общей системой 'целей развития, общностью восприятия других подобных пространств и внерегиональных, глобальных проблем в целом¹.

С этой точки зрения, отдельным постиндустриально ориентированным в своем развитии регионом является, вне всякого сомнения, все постсоветское пространство, перекроенное после ликвидации

¹ В качестве трансформирующихся пространств, наиболее продвинутых в постиндустриальном отношении, выступают три региона: североамериканский (НАФТА), западноевропейский (ЕС) и Япония. Все в большей степени освобождается от статуса экономической периферии США и приобретает черты самостоятельно функционирующего пространства лагиноамериканский регион, где проявляются несколько центров развития. Потенциалом оригинального развития в связи с этим обладает и арабский мир, также демонстрирующий полицентричность. "Большой Китай" (КНР, Тайвань, Гонконг и Сингапур) обладает гигантскими возможностями и прекрасными перспективами продвижения по пути постиндустриального развития. То же самое можно сказать и о странах Индийского субконтинента. Своеобразная ситуация сложилась в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где экономически преобладает Япония, в военнополитическом плане доминируют США, но где сложились уже собственные очаги постиндустриализма (новые индустриальные страны). Отдельным модернизирующимся регионом может стать Африка к югу от Сахары, если ЮАР будет способна выполнить роль центра преобразования огромного пространства на современных основах.

СССР границами 15 суверенных государств, ядром которого выступает Российская Федерация, и где возможно появление и других центров — Украины, Казахстана. Специфика самой России и стран СНГ заключается в том, что территория бывшего Советского Союза представляет собой мини-модель мира, где островки постиндустриализма соседствуют с огромными территориями, в той или иной мере обойденными всеми тремя цивилизационными революциями, где индустриально развитые регионы соседствуют с зонами малорентабельного сельскохозяйственного производства, где сталкиваются интересы и ценности "Севера" и "Юга", "Запада" и "Востока", где на огромном пространстве осуществляется взаимодействие православно-христианской, исламской и буддистской мировых религий. Именно потому, что здесь воспроизведено большинство из проблем меняющегося мира, изначально ошибочна мысль о том, что подобной сложности и размера полиэтничное и многокультурное пространство можно по единой схеме и в одни и те же сроки привести к уже известным моделям национального процветания и стабильности. Успех внутреннего реформирования в данном случае возможен лишь в рамках сложной, многоуровневой стратегической концепции развития, тесно увязываемой с результатами конкретных преобразований и корректировкой тактических целей, отражающей все многообразие потребностей реорганизуемого и трансформируемого пространства.

Многое, если не все, здесь зависит от темпов и решительности превращения России в самостоятельный центр постмодернизации (внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, развития наукоемких производств, способных производить конкурентоспособную на мировом рынке готовую продукцию, организации сферы производства "человеческого фактора", умеющего использовать технотронную экономику для саморазвития и т.д.) на равной основе с другими участвующими в международном разделении труда и пользующимися всеми его преимуществами. Для этого существуют серьезные благоприятные предпосылки: наличие достаточных для полноценного развития природных и людских ресурсов, крупного интеллектуального потенциала, периферийной зоны, которая пока еще не вошла в сферы влияния иных постиндустриально трансформирующихся пространств, отсутствие необходимости концентрировать внимание на проблемах "внешней угрозы", в целом благоприятное на данном этапе отношение других центров мировой политики к мерам, гарантирующим экономическое реформирование и демократическую перспективу в развитии страны.

И настоящее, и будущее постиндустриальной трансформации России самым тесным образом связано с судьбой стран СНГ. Независимо от того, видят ли в СНГ "ликвидком", инструмент дезинтег-

рации бывшего СССР, институт "цивилизованного развода" бывших советских республик, символ "бестелесного", аморфного образования суверенных государств, считают ли СНГ отправной точкой движения к новому единству, теперь на независимой основе, народов постсоветского пространства, практически все обращающиеся к этой проблематике ученые и политические деятели признают, что вместе с развалом СССР произошло расчленение уникального социально-экономического организма, воплощенного в едином народнохозяйственном комплексе, органичном оборонительном пространстве, однородной политической культуре, интегральной духовной сфере и т.п. Они, эти многочисленные объективные связи, а не мудрость или воля лидеров стран СНГ, удерживают "на плаву" Содружество. Они, эти объективные экономические интересы и потребности, традиции межнационального общения "переломили" с лета 1992 г. тенденцию ускоряющегося "разбегания" бывших советских республик и проявились сперва в инициативах президента Казахстана Н.Назарбаева, а затем и других руководителей суверенных государств, осознанным стремлением к восстановлению хозяйственных и иных связей, в целом сотрудничества на уровне всего Содружества. СНГ постепенно начинает обретать перспективу, обрастать "плотью" совместных координационных органов и организаций, формировать собственное ядро из государств, уже на данном этапе готовых к налаживанию интеграционных связей и сотрудничества.

Вместе с тем при анализе перспектив развития СНГ не покидает ощущение, что будь Россия хотя бы чуточку удачливей в собственном реформировании, стань ее экономическое преобразование успешнее, динамика межгосударственного сближения в СНГ ради решения во многом однородных проблем стала бы преобладающей. Нынешний ход событий формирует "содружество разных дистанций", сохраняющее все же единое трансформирующееся пространство на всей постсоветской территории. Этот оптимальный в складывающихся условиях сценарий развития событий позволяет России гармонизировать стратегию собственного реформирования с преобразованиями в других странах СНГ, связывая их общей логикой и направленностью, обеспечивая минимально необходимый уровень сотрудничества. Такой путь следует признать единственно реальным, но одновременно и наиболее трудноосуществимым, так как он требует от России и более быстрой стабилизации внутренней жизни, и выдвижения масштабных, привлекательных и выгодных в первую очередь странам СНГ инициатив. Императивным для успеха диалога России со странами СНГ выступает восприятие последних в качестве полноправных и равноправных субъектов международного общения. Безусловно, уровень экономической взаимозависимости государств Содружества очень велик. Россия пока

что имеет войска на территориях бывших союзных республик. Суверенитет каждого из членов Содружества взаимоограничен, причем Российская Федерация объективно является первым из них. Провозглашенная Москвой приоритетность отношений со странами СНГ не всегда и не во всем подкрепляется ответственными действиями с ее стороны, особенно в тех случаях, когда она сталкивается с проявлениями последствий националистических "вывихов" во внутренней и внешней политике партнеров по Содружеству, связанных с эйфорией по поводу обретения государственности и суверенитета, отсутствием опыта в государственном строительстве, несформированностью новых, современно мыслящих политических элит и т.д.

То состояние, в котором находится СНГ, не может длиться сколько-нибудь долго, ибо оно фиксирует временное и неустойчивое равновесие центростремительных и центробежных тенденций на постсоветском пространстве. Россия как самое мощное и влиятельное государство СНГ своим развитием должна определить, как будут соотноситься эти тенденции в дальнейшем. Длительная слабость России может привести к тому, что государства Средней Азии и Азербайджан войдут в орбиту влияния исламских центров модернизации; Белоруссия и Украина последуют за своими восточноевропейскими соседями, взяв курс на сближение с западноевропейскими центрами постиндустриального развития; Молдова "решится" на растворение своей государственности в лоне великорумынского государства; страны Балтии полностью войдут в сферу влияния скандинавских государств. Более того, сила притяжения внешних центров постиндустриального развития скажется на самой России, восточная часть которой все в большей степени станет тяготеть к АТР и Китаю, западная — к еврогерманской зоне интеграции. Напротив, превращение Российской Федерации в динамично развивающийся центр постиндустриальной трансформации создаст ей поле притяжения, способное консолидировать СНГ, придать Содружеству более четкие контуры интегрирующегося пространства, усилить влияние за пределами СНГ, в странах Восточной Европы, исламском мире, раздвинув тем самым глобальные параметры ее воздействия в целом на мировое развитие.

Вместе с тем, с научной точки зрения, рассуждения о судьбе России и СНГ вряд ли правомерно обосновывать, исходя из "лучшего" или "худшего" сценариев, оптимистической или пессимистической убежденности, идеологизированных, мифологизированных "распадов" или "разломов". Здесь необходимы обращения к объективным основаниям, научно-верифицируемым фактам и аргументам. В данном случае обращает на себя внимание, что участники нашей конференции обозначали СНГ как "постсоветское", "постимперское", "неосоветское" пространство, т.е. в подобных квалифика-

циях исходили в первую очередь и исключительно из формы его политико-государственной агрегации. Согласно элементарной логике, подобный подход имеет право на существование лишь в том случае, если постсоветское пространство связывать с советским, которое было постимперским, ибо оно наложилось на большую часть территории Российской империи. Тот факт, что во многих выступлениях советское пространство определялось как имперское (советская империя), а СНГ представлялось как "неоимперское пространство" (А.Каганский), свидетельствует о том, что вряд ли здесь речь можно вести о простом логическом прегрешении или просчете. По всей видимости, проблема подобных дефиниций решаема, если исходить из того, что они представляют собой названия сменявших друг друга политических пространств на одном и том же социоестественном фундаменте — российском цивилизационном пространстве.

Тематика цивилизационно-культурной идентичности исторической России до сих пор остается дискуссионной, несмотря на то, что утвердительный ответ по этому вопросу сформулировали и великие русские мыслители XIX в., и классик теории цивилизаций А.Тойнби, выделивший ее в отдельную "восточно-христианскую цивилизацию", и современные российские обществоведы (последняя работа по этой теме была опубликована Е.Рашковским всего лишь несколько месяцев назад). Другое дело, что попытки расшифровки понятия "российская цивилизация" (в последние годы аналогом выступает "евразийская цивилизация") всегда предпринимались с позиций определения, чего в ней больше, западного или восточного, европейского или азиатского, из чего "трассировался" ее исторический путь и предназначение, разрабатывались различного рода теории синтеза или догоняющего развития, российского мессианизма или predeterminedного экуменизма, "исхода" к Востоку, "растворения" в западной культуре или автаркии в своей самобытности. Причем на каждом переломном этапе развития России эти концепции в той или иной степени, форме реанимировались, вступая в антагонистическую схватку то ли славянофилов с западниками, то ли "почвенников" с либералами, то ли национал-патриотов с демократами. Во всем этом всегда сказывалась и не до конца познанная феноменальность российской цивилизации, и инерционность научной мысли, и постоянное соперничество (но и сотрудничество) на этом цивилизационном пространстве ценностей по крайней мере трех мировых религий, и неорганичность исторического развития страны, да и сама мощь российской пассионарности, не боящейся самого радикального социального экспериментирования и самопроявления во всемирном масштабе. Как представляется, ключ к подлинной расшифровке сущности российской цивилизации заключается, если пользоваться термином А.Тойнби, в ее

футуризме, когда только будущее способно расставить все акценты и знаки препинания в подобном историческом вердикте.

Подход к пространству СНГ как единому с цивилизационной точки зрения (название его — дело второстепенное, ибо зависит прежде всего от мировоззренческих умонастроений) облегчается, если стоять на позициях молодой еще научной дисциплины — социоестественной истории как части истории биосферы, в которой цивилизация предстает в качестве процесса развития, жизненного пути того или иного суперэтноса или группы тесно связанных между собой этносов, протекающего в одном и том же канале эволюции, границами которого являются представления людей о мире и о себе, а главными действующими субъектами выступают Человек хозяйствующий и Вмещающий ландшафт (А.Кульпин). С этой точки зрения "вмещающий ландшафт" СНГ действительно един, и не только потому, что обладает естественными границами, но и в связи с тем, что только в целом обеспечивает более или менее благоприятное для развития соотношение территорий, не приспособленных для постоянного проживания человека, но являющихся "кладовыми природных ресурсов", и эффективных территорий, обеспечивающих "человеческий потенциал" для их освоения и организации интенсивного производства, соединяя и те, и другие в жизненное пространство для всех проживающих в этой ойкумене народов.

Что же касается вопроса о воссоздании на российском цивилизационном пространстве единого государства (чаще всего возникающего в связи с политическими лозунгами "восстановления СССР"), то он существен лишь с точки зрения так называемой классической геополитики ("геополитики войны"), вне послевоенной ревизионистской геополитики ("геополитики мира"), которая исходит из того, что единая физическая и природная среда обитания человечества требует перевода и политического бытия человека в единую систему геополитических координат, что взаимозависимость различных национальных компартиментов мирового социума обуславливает необходимость пересмотра ряда основополагающих постулатов этой научной дисциплины, в первую очередь связанных с трактовкой в ней предназначения и роли государства во всемирном развитии. С наступающим постиндустриализмом, по всей видимости, завершается большой исторический цикл, когда государственность и цивилизация шли "рука об руку", а возвышение государства служило и показателем подъема цивилизации. Государство-нация в новых условиях уже не способно творить историю, история же, если и нуждается в нем, то только лишь как в одном из своих инструментов, не более того. Но это отнюдь не означает, что уже сегодня или в ближайшем сколько-нибудь обозримом будущем система международных отношений потеряет свою "дер-

жавную" структуру, а национальное государство уйдет с социально-политической арены человечества. Изменятся его роль и функции, место в жизни планетарного социума, но вряд ли государство исчерпает свой исторический смысл до тех пор, пока будут живы различные этносы и нации, пока вектором мирового развития будет не однородность, а "всенародность" (В.Соловьев).

Государственные границы в Западной Европе отнюдь не помешали ее превращению в единое интеграционное пространство, постепенно продвигающееся к конфедеративным отношениям нового, еще никогда не существовавшего в истории человечества, типа (Европейский Союз). Нахождение разумных и эффективных принципов и механизмов со-развития народов и государств СНГ также является главным условием сохранения единства российского цивилизационного пространства в условиях его постиндустриальной трансформации. Самые насущные вопросы состоят в том, способны ли и могут ли интеллектуальные элиты Содружества, и в первую очередь России, выдвинуть взаимоприемлемую концепцию совместного продвижения в будущее, и когда на всем его пространстве придут к власти силы, способные такой концепцией воспользоваться для стратегического ориентирования в их политической прагматике, т.е. иными словами, какую цену придется заплатить народам за переход на новую парадигму развития. Пока можно лишь надеяться, что она окажется приемлемой.